

Помимо Торена

8

Интервьюер: Софья Чуйкина
дата: 13.04.1994, СПб

Респондент: 1950 г.р.
образование: высшее (ин-т Культуры)
работает в БАН;
замужем, дети: 1977, 1979, 86, 88 г.

Я родилась в 1950 году в Ленинграде. Отец мой преподаватель Политехнического института, мама была преподавателем техникума вначале, а потом она работала в библиотеке Публичной, а потом в Библиотеке Академии Наук, где и сейчас работает. Семья служащих. Семья была, конечно, совершенно неверующая. Разговоров об этом не было никогда в семье. Отец у меня умер рано, и мы с сестрой воспитывались матерью. Мы жили как все.

- Не было переоценки происходящего?

- Нет, тогда ещё трудно было говорить о переоценке. В 1953 году я впервые услышала, что Сталин плохой и меня это очень обидело, мне казалось, что он такой хороший, и то, что его кто-то ругал, это было странно.

Из школьных воспоминаний - я была в классе пятом, или шестом, когда был двадцатый съезд, и у нас происходили дебаты на школьном уровне, были разговоры о том, что Сталин убил Кирова. Всё это были детские разговоры. Ни мама, никто другой из взрослых с нами об этом не говорил.

- Где Вы потом учились?

- В институте Культуры ленинградском. Я его закончила, кажется особенно в 1974 году. Я была активная комсомольская девушка, но активно не рвалась к карьере, меня это не увлекало, но какая-то активность в характере заложена, и что-то я там делала. И потом я познакомилась с Володей. Он пришёл к нам на работу и оказался в моей комсомольской группе. Я с ним поговорила и меня поразило только одно, честно говоря, меня это до сих пор смешит - я подумала, ну как же человек закончил университет и в Бога верит. Он наверное, сумасшедший. Это было первое впечатление. А потом мы очень долго разговаривали. И тогда началась переоценка. А

А до этого не было. Что-то конечно, так томило...

Это был 1974-75 год. Тогда стали какие-то имена появляться - Гинзбург, Солженицын. Отношение было такое - понимаешь, конечно, что правда в этом есть, и именно это правда, но как-то было принято, люди жил и тихо-спокойно. О диссидентском движении я слышала немножко, я работала в институте Высокомолекулярных соединений и там говорили про какую-то группу, а потом оказалось, что это группа Вени Иофе. Но меня политика настолько мало привлекала, это была не моя жизнь.

- А что было важно - работа, семья?

- Наука. Но вообще, когда я с Володей познакомилась, я была уже замужем. Мой муж был человек очень талантливый, врач, и был очень научный. И естественно, с кем рядом находишься, так примерно и представляешь себе дальнейшую жизнь. Моя жизнь была мне понятна. Я должна была поступить в аспирантуру, защитить диссертацию, и дальше строить научную жизнь. А вообще-то в душе я больше всего хотела нормальной человеческой семьи и просто детей, и больше меня ничего особенно не привлекало. Но когда я с Володей познакомилась, это было страшно. Потом было уже не страшно. Сначала нужно было переломать все представления о жизни, и совершенно иначе ко всему относиться. Это было безумно тяжело. Как будто что-то выкручивают из твоего нутра, и ты совершенно меняешься, становишься другим. А потом мне стало очень легко. И воспринимать жизнь легко стало.

- Что на Вас такое впечатление произвело? Именно этот человек?

- Конечно, прежде всего личность. И потом, идея христианства. Я об этом ничего не слышала вообще, ни про Булгакова, ни про религиозного Флоренского. Ни про одного философа ничего не знала, незнала, что вообще они существуют. Потом было желание изменить мир, был революционный пыл. Тогда, в таком возрасте все с таким горением за это брались, и все ждали, что завтра всё должно пере-

мениться. Но прежде всего - личность. Хороший человек рядом, и такие ценности у него, высокий уровень ценностей. Это было просто приятно. Я поражалась, что он живёт так, как будто будет жить вечно, как будто впереди у него ещё много лет. И он не думает о том, что с ним будет завтра. И живёт честно, хорошо.

- Высокий уровень ценностей - моральных?

- Всех вообще. Этических, моральных. Идеалы какие-то. Желание жить не по лжи, это было в то время очень редко. Даже в научном мире - тех людей, которых я встречала, интересовала карьера. Когда мне предлагали в партию вступать, я сказала, что не пойду, потому что это уже было совсем что-то неприличное, все говорили: "Брось ты, это для карьеры нужно". Меня это смущало, и не тянуло в эти ряды, потому что там надо было бы общаться с людьми, которые мне абсолютно не нравились.

- Володя рассказывал Вам о семинарах?

- Сначала не рассказывал, конечно.

- Они существовали с 1974 года?

- В 1972 он познакомился с Огородниковым, а потом где-то сразу начались семинары. Сначала они были хипповые - просто приходил народ в квартиру, она была в центре города, и все говорили, кто чему учился. А потом они попали под крыло к отцу Дмитрию, и Володя крестился в 1972 году. Дмитрий Дудко был тогда такой пламенный батюшка, пламенные проповеди читал, и он увлёк молодых людей, туда друзья звали друзей. И потом организовался семинар. Там был достаточно серьёзный подход. Они начали изучать философов религиозных, доклады делать, обсуждать. Политики там не было. Было желание узнать правду, понять, что произошло в стране, и что вообще произошло. А дальше всё развивалось; стало ясно, кто виноват, и они стали публиковать какие-то революционные документы. Послали обраще-

ние к Поттеру, это всемирный совет церквей, и прозвучали, естественно, по радио какому-то. И с этого начались неприятности. Я с семинаром мало общалась. Но был один момент - я счастлива, что я всё-таки со всеми познакомилась., удалось пообщаться.

Я конечно, представляла себе, что если человек так увлечён, то есть что-то хорошее. Но у меня был маленький ребёнок, и вообще меня не очень это увлекало. Но я всё время думала, что интересно, чего он по два раза в месяц туда ездит, наверное, должно было быть что-то интересное.

- Тогда уже вы поженились?

- Нет, сначала Ольга родилась, потом мы поженились. Потому что я прекрасно себе представляла, какая жизнь меня ожидает, у меня не было розовых очков. Я понимала, что будут проблемы. А уж то, что этот человек никогда не будет зарабатывать деньги, это было ясно. Но так казалось, особенно когда мы были молодыми, что вообще может ничего не быть, просто люди счастливы, и всё.

Ещё до того, как мы поженились, их уже стали тягать. Когда уже за ним начали следить вплотную, тогда мы поговорили. Он сказал: "Вот, у меня такая ситуация, что ты выбираешь?" Как честный человек. Но что уже я могла выбирать! И естественно, осталась рядом. Я предполагала, конечно, что такое может случиться. И для меня это была проблема, конечно, решиться выйти замуж, потому что впереди непонятно что ждало. Но потом уже ребёнок родился, и всё равно мы были вместе. И было как-то смешно не пожениться, родной был человек.

- Вы ушли ради этого из благополучной семьи?

- Я из благополучного брака ушла. Благополучный брак был, это правда, внешне. Но внутренне этот брак был цамного благополучнее, и сейчас тоже. Трудно сказать, что такое благополучие. И счастье - это реестр, или регистр. В прежней ситуации это был реестр, а в нынешней - регистр. Выбираешь для себя, что

важнее. И потом, наше поколение было, конечно, достаточно романтическим, хотя и задавленное идеологией. Но уже никто ни во что не верил. И мы были очень романтические люди. Сейчас, разговаривая с дочерьми и их подружками, я думаю: почему они такие циники. Они очень славные, но такого романтизма нет. А может, просто боятся раскрыться взрослым.

- Когда Вы поженились?

- В 1977 году. Ольга родилась в июле, а мы поженились в ноябре. И жили счастливо, спокойно и благополучно, всё было у нас хорошо, не было никаких тревог. Ну то есть, тревоги были. Семинар продолжался. Для Володи семейная жизнь, это не его стихия, и до сих пор. Это просто то, что греет. Он всё время занимался общественной деятельностью.

- И это было важнее?

- Естественно, это было самое главное. Он мне сразу сказал: "Есть более важные вещи, чем ты". Я это понимала и тихо соглашалась. (перерыв в зап.)

И вот, мы ездили на Новый Афон; было интересно, что это за люди. И стоят ли этого страдания наши семейные. Я не знаю, чья это была идея. Наверное, Льва Ревельсона, потому что они там когда-то с Глебом Якуниным и Феликсом Кореловым, и с кем-то ещё ездили туда, у них должны были какие-то просветления произойти. Во-первых, там монастыри великолепные, интересно было места такие посмотреть. Все ехали с женами, с детьми. Общино ехали. Хотели посмотреть, получится община или нет. Потому что была идея такая, что если можн о создать общину, то нужно покупать дом, где девушки будут шить и вязать, а мужики будут колоть дрова, и беседовать о философии и религии. Конечно, это смешно.

Там происходили семинары. А потом было что-то странное,

жёны отделились от мужей, мужья от жён, это было очень странно. Многие поругались. Было какое-то ощущение грозы и несчастья. Все были в диком напряжении. Мы ходили в горы, вокруг нас бродили какие-то непонятные странники, всё пытались выяснить, кто мы такие, потом обозвали нас "бандой монахов с тётками". В общем, такое было ощущение. Но многие из тех людей, это теперь наши с Володей хорошие друзья. Хотя как позже выяснилось, там было много подонков тоже. Потому что всё было открыто, никому в голову не приходило создавать подпольные организации. Те, кто хотел, ехали с нами... Но осталось главное ощущение — там была любовь между людьми, дух светлый. Все верили в будущее своё, и никому в голову не приходило, что их скоро пересажают. Хотя Огородников тогда уже сидел.

Пожили мы там, вернулись, немножко поработали. Потом я уехала в Смоленск, Володя уехал на Валаам, в монастырь — в гости к какому-то диакону. За это время, особенно на Новом Афоне я приобрела друзей, которые мне потом безумно помогали, как никто. И я поняла в чём проблема, чего эти люди хотят, а когда видишь высокий идеал, это, конечно, очень привлекает. Ну, а потом мы только неделю побывали вместе и началась тюрьма.

— Когда начал издаваться журнал?

— Они начали его издавать в 1976 или в 1977 году. Потому что в 1978 они уже готовили второй номер.

— С Огородниковым?

— Да. И потом они ещё Олега Охапкина пригласили. Володя занимался в основном редактированием, Олег литературной частью — они Даниила Андреева печатали, и другие мало известные вещи. Про расстрел царской семьи там что-то было. Володя написал две статьи: одна была такая зажигательная, христианская, а вторая была "Прогулка по Москве", где он писал о слежке за ним, ещё были какие-то письма, обращения.

- Кто печатал журнал?
- Печатали два мальчика, один из которых потом, к сожалению, написал донос, сын Аарро.
- Просто приглашали тех, кто хочет?
- Да. Чтобы человек не пропал. Кто будет проверять людей! Все жили открыто абсолютно, позиция была совершенно открытой.
- Журнал был нелегальный, но не подпольный?
- Да. Нелегальный, но не подпольный. Читай, кто хочет. А печатали всё молодые ребята, которые просто чем-то интересовались, общались.
- Вы не помогали?
- Какое там! У нас даже машинки дома не было. Я купила машинку уже когда Володя сидел. Я занималась ребёнком. Мы уже второго к тому времени ждали, мне было не до этого. И меня это не привлекало. Моё дело семья, его дело политика. Я говорю, что я не типичная диссидентская жена, абсолютно.
- А содержание статей было Вас интересно?
- Мне было это очень интересно. Но когда я это прочитала, я страшно перепугалась, что за этим может последовать. Володя незадолго перед посадкой предупредили, что его могут арестовать, если он будет делать третий номер журнала. Это он мне сообщил. Я сказала: "Ты будешь, что ли, третий номер издавать?" Я с животом была. Он сказал: "Конечно буду". Проблем не было, всё было ясно. Потом за нами стали следить, это было очень неприятно; в Смоленске был обыск, когда "Общину" изъяли.
- У вас дома она не хранилась?
- Наверное, был какой-то экземпляр. Но вообще номера были разданы, их читали.

Я была дома у Щипковых, у них тоже был ребёнок, и там уже повсюду была слежка, я говорила, что следят, но никто не обращал на это внимание, потому что не чувствовали себя виноватыми.

И конечно, тут же вечером у них был обыск, а потом к ним пришли по делу Подрабинека, которого они никогда не видели. Это была первая гроза.

- Скажите, у вас был открытый дом? Много гостей приходило?
- Открытый дом у нас был всегда, закрытого дома не бывает. Толпы ходят-бродят, кто хочет, тот приходит. И кого хочет приводят. Если живёшь открыто, то и дом, естественно, открытый.
- Друзья оставались ночевать?
- Здесь кто только не ночует, а там негде было. Была комната в коммуналке 12 метров, а рядом мама моя и младшая сестра. Мы жили в одной комнате с Володей и Олей, а Ксюша уже появилась, когда его посадили.
- Вы отмечали праздники православные, религиозные? Была какая-то православная символика в вашей жизни?
- Конечно. Володя просто горел этим. По воскресеньям мы ходили в церковь. Причащались. Но тогда это было ещё не так глубоко во мне, тогда это был скорее внешний порыв. После рождения дочки я серьёзно болела, каждую неделю ложилась в больницу, и Володя сказал, что мне нужно причаститься. Я даже тогда не понимала, что это собственно говоря, такое. Мы пошли в Преображенский собор, у меня была температура 39,5. Пришёл старенький батюшка, и я стала ему всё рассказывать, что я болею, и у меня ребёнок, что я не замужем. Он был очень ласковый и добрый, и сказал, чтобы мы обвенчались, и от разговора стало лучше. После этого я никогда вообще в больнице не лежала, только когда детей рожала.

Тогда я ни одной молитвы не знала, даже не знаю, было ли у нас Евангелие. Но пасха, рождество, конечно праздновались. Мы прожили вместе меньше двух лет, и потом уже я должна была традицию хранить, что было нелегко, потому что после ареста Володи бабушки были против религиозного воспитания.

Они страшно боялись, говорили, что над девочками будут смеяться. И ждали для них тяжёлую жизнь.

- Когда мужа посадили, этот круг с Вами остался?

- Конечно. И прежде всего, участники семинара. Хотя там произошёл раскол, и ленинградская часть отделилась от семинара Дмитрия Дудко. Немножко я общалась и с московскими ребятами. Потом приехала ко мне жить девочка Лена из Москвы, Валерина будущая жена, на его горе и на моё тоже.

- Почему она приехала к Вам жить?

- Мы были вместе на Афоне, она была маленькая хорошая девочка, как ангел. Всем помочь хотела. Она очень хотела поступить в Педиатрический институт, а он был только в Ленинграде. Детям хотела помогать. Я ей сказала, чтобы она приезжала, тем более, что Володю посадили, и было довольно одиноко. Появился компаньон, напарник.

- Сейчас Вы не общаетесь с ней?

- Нет, абсолютно. Это самое страшное в моей жизни. Я и Валере это сказала, когда мы с ним увиделись через десять лет. У нас у всех было ощущение такой грязи, как будто помоями облили, это чувствовали все. Это человек, у которого нет души, ей просто надо было везде быть первой, и не было никаких моральных принципов! Но когда тебе тридцать лет, а человеку семнадцать, относишься к нему как к младенцу, ничего такого не ждёшь.

- Кто Вам помогал с детьми, кроме Лены?

- Во-первых, помогали очень Володины родители. Оля жила у них в Смоленске. Благодаря им я могла ездить по всяким инстанциям, что-то узнавать. Потому что у них не было правила сообщать, где человек, он просто пропадал - и ищите, где хотите. Его арестовали дома, когда я была на работе. Он как раз писал очередную статью.

- Он не работал?

- Он ушёл из библиотеки за месяц до ареста. И то, что его арестовали, я узнала, но где он находится, было непонятно. Просто человек исчез. И ничего невозможного было сделать. Я шла по улице и совершенно случайно встретила Наташу Малаховскую, и я так обрадовалась, увидев знакомое лицо, я боялась идти домой. Моя мама в это время уезжала. И Наташа пришла ко мне, потом позвали Наташу Лесниченко, она напротив жила, потом Олег Охапкин приехал. Народ был в шоке. Потом начали думать, балаганили, как будто в этой ситуации что-то можно решить. Долго говорили, я по-моему, сутки не спала.

Было непонятно, какая статья. Этого тоже мне не говорили, это было тайной. Только потом люди, которых вызывали на допросы, выяснили, что 70-я. Потом начались волнения с передачами.

- С передачами друзья помогали?

- Да, особенно вначале. Все хотели помочь. Из Москвы всё время передавали какие-то деньги, и здесь ребята тоже собирали. Была поддержка моральная, и финансовая тоже. Потом родилась Ксения.

- Вы пытались передать информацию на Запад?

- Тогда я ещё не представляла, как это можно сделать. Лена мне сказала, что надо это сделать, и она позвонила представителю семинара за границей, Левитину-Краснову, потому что я не могла говорить об этом, у меня голос срывался, и она всё сказала. Это был единственный раз, когда мы так передавали информацию по телефону.

- Как Вы узнали о фонде помощи пзк?

- Сначала я даже не знала, что это существует. Я открывала для себя совершенно новый мир. Мне сказали, что придёт ко мне хороший человек, Валера Репин. Он появился, и я увидела, что действительно он очень хороший человек. Действительно, он делал гораздо больше, чем мог бы делать. Он не просто раздавал деньги, но душевно участвовал во всём. Адвоката пытался найти,

продукты приносил. Я не знаю ни одного человека, который мог бы сказать что-то дурное про него. Он всем помогал. Теперь, конечно, жизнь его поломала.

- Он изменился?

- Да. Изменился очень. Внешне он остался таким же, но внутренне изменился. Раньше у него была маленькая записная книжечка, где было записано, что он должен сделать. Он никогда никого не подводил. А сейчас такое ощущение, что у него мало осталось внутренних ресурсов.

Мы с ним подружились, он стал часто бывать у меня. В это же время я познакомилась с Веней Иофе, с Ариной Гинзбург. Веня мне очень помог. Я не знала, куда пойти и что делать, а он был как мудрец, он очень мне помог и морально поддержал. Мы его головой пользовались, как могли, по любому вопросу к нему обращались.

- Вы познакомились с жёнами кого-то из политзаключённых?

- Да, познакомилась. Женой, которая меня поразила, была Лариса Богораз. Я с ней познакомилась как раз у Вени. Она приезжала, когда Володя с Марченко оказались в одной зоне, и Веня мне сказал: "приезжает бабушка русской революции, приходи, познакомишься". Она мне безумно понравилась. Она рассказывала, что Марченко посадили, а ей предлагают уехать, вместе с сыном, что Саше Даниэлю грозит тюрьма. Но она говорила, что не поедет, потому что муж сидит. Ей все говорили: сына посадят, что ты тогда будешь делать. Но она отстаивала свою позицию. Это был единственный раз, когда я её видела.

А потом были жёны друзей, тоже жёны диссидентов. Потому что весь семинар, все семь человек посадили. Посадили Володю Буркуба из Москвы, Витю Полкова, тоже из Москвы, Татьяну Николаевну Щипкову посадали, а её сына забрали в армию, Ревельсона тоже, и отца Дмитрия. Ещё там был Серёжа Ермолаев. В основ-

ном, это были московские люди. Эти ребята всё время приезжали, звонили и были в курсе. Существовало, конечно, какое-то братство. Были посиделки, и всё об одном и том же, как отправить передачу, как накормить.

- Эта среда была больше чем дружеский круг, как семья?

- Да, но это началось раньше, на Новом Афоне, любовь была изначально. Я же говорю - мне крупно повезло, что мы туда ездили, иначе я вообще бы осталась одна, и чувствовала себя бы гораздо хуже. То, что вокруг всё время сажали людей, это было страшно, печально. Сажали семинар, потом ещё каких-то людей, потом стали фонд сажать в конце, это была уже крутая зима, заморозки, когда всех подавили.

С фондом, конечно, не хорошо получилось. Валера, он конечно очень честный человек, ему можно доверять с закрытыми глазами во всём. Но после него началась какая-то вакханалия с ресторанами, когда Лена стала распорядителем фонда. Приехал из Москвы Серёжа Ходорович, пригласил меня и попросил помочь ей, потому что она же молоденькая была совсем. Я тогда попросила его найти для этого каких-нибудь мужиков, потому что я представляла себе, что человек, занимающийся этим, уже обречён. Невозможно было с двумя детьми ещё фондом заниматься. Если бы не было другого выхода, я бы наверное, согласилась, если бы никого не осталось. Но не по стремлению душевному заниматься деятельностью такого рода - ну если бы не был о никого другого. Серёжа так и сказал: "больше некому". И я сказала, что"конечно, помогу, но лучше найдите какого-нибудь мужика". Все эти проблемы - а детей-то когда воспитывать! Потому что тогда уже не хватает на них ни времени, ни сил моральных.

- Что нужно было делать?

- Элементарные вещи. Но ведь за всем следили, всё было как под колпаком. Это как под микроскопом нужно было заниматься тем, за

что тебя завтра посадят. В основном, тогда посылали деньги. И то небольшие суммы. Тогда я в эту бухгалтерию не попала, потому что Лена занималась всем сама, единолично. Считалось, что я ей помогаю, но это было невозможно, потому что никакого совета и помощи она не принимала, делала всё единолично. Она чувствовала себя первой дамой. Ей сразу сказали, что надо уезжать в Москву к маме и не болтаться здесь по городу. Потому что у всех тогда были обыски и неприятности, и надо было мужество иметь, чтобы пережить эту ситуацию, и других людей не подвешивать. Нельзя было никому звонить из дома, особенно если кого-то посадили, или если был обыск, потому что это значило подставлять людей. А она вообще о людях не думала, и делала что хотела.

- Вы ездили на свидания?

- Естественно, я ездила при любой возможности, которая была. Но его лишали свиданий, и поэтому мы не виделись пять лет вообще. Когда он был в Пермском лагере, то первое свидание мне разрешили и Валера поехал меня провожать туда.

Конечно, мы плохо себе представляли, что такое Урал. Это совсем другой мир. Там были сплошные зоны вокруг. Мы остановились у каких-то знакомых, они нам рассказали, как доехать. Нам удалось взять такси, мы подъехали торжественно на такси. Вместо трёх дней свидания нам дали два, и Валера должен был меня встречать только на третий день. И тут я хлебнула горя со своим огромным рюкзаком, в котором я привезла Володе еду, а это оказалось не положено. Съесть это всё было за два дня невозможно, оставить тоже, даже вольнонаёмным "не положено". Мне чудом удалось уговорить начальство, чтобы меня подбросили на их машине, потом где-то на полпути меня с моим рюкзаком выгрузили, и я потопала на станцию Всесвятская, это 35-я зона. Встретила я какую-то девушку, спросила как идти на станцию, она говорит: "это недалеко, давайте побыстрее, а то тут убивают

всё время". Это меня, конечно, очень подбодрило. Ночь я у этой девушки пересидела, и потом уже уехала на электричке. После этого нас всё время свиданий лишали.

Потом Володе в лагере добавили три года, и он находился какое-то время под следствием. Мне объяснили, что если человек под следствием, то ему можно возить передачи каждый месяц. И конечно, я сразу туда поехала. Потому что за те пять лет, когда мы не виделись я даже не имела права послать ни одной посылки, а только одну бандероль в год. Потому что он плохо вёл себя. А письма приходили, хотя редко. И в Чистополь, где Володя был под следствием, я ездила девять месяцев подряд. Каждый месяц. Сначала следствие длилось три месяца, и был суд, но они собрали мало материала, чтобы подтвердить, что он нарушал режим, и они постановили "допросить всех заново, чтобы доказать его вину". Тогда я в Ленинграде нашла адвоката, это была просто потрясающая женщина, которая согласилась вести это дело, и ездила со мной в Чистополь.

Я посоветовалась с Дорой Аркадьевной Казачковой. С ней я познакомилась первоначально через Валеру. А потом както ей надо было печенье для Миши испечь, а мы уже насобачились, и я ей помогла. В зоне Володя с Мишой долго сидели вместе, и много общались, а мы тут общались. И Дора Аркадьевна мне сказала, что в аэропорту Казани можно просидеть несколько суток, дожидаясь самолёта на Чистополь. А я ведь работала. Я там столько насиделась! А потом уже разными путями добиралась – на такси через лёд, и на пароме, это можно целые сутки рассказывать. Но я всё время ездила, ни разу не пропустила. Узнала телефоны всех начальников по всей тюрьме и их по телефону терроризировала жутким образом. Правда, ни одного свидания мне так и не дали, хотя обещали. Только родителям дали.

Это было ужасно – я трое суток просидела в Казани, совсем

отчаялась. И потом нашёлся какой-то таксист, который за бешеные деньги довёз меня до Чистополя. Мы восемь часов ехали, ночевали в Чистополе в гостинице под названием "Дом колхозника", в которой прорвали канализацию лет пять назад, и повсюду лежали пьяные люди. Рано утром я была уже в тюрьме, после чего мне сказали, что мы опять свидания лишаемся. После того, как я проехала такой безумный путь...

- И через семь лет - тот же человек вернулся?

- Ну кто же возвращается тот же! Внутри человек конечно остаётся таким же... Но в лагере, где постоянно надо сопротивляться власти, и человек всё время пытается защитить себя, он прививается отталкиваться от всего. Любая фраза может быть им воспринята как оскорблениe, всё его обижает.

- Ваша фраза тоже?

- Ну конечно, главная тяжесть падает на семью. Это безумно тяжело, и не только мне, я думаю всем. Это самое тяжёлое время, когда нужно просто терпеть, и стараться не конфликтовать. Наша ситуация благополучно разрешилась, потому что Миша родился. А когда ребёнок рождается, это всегда растапливает какие-то вещи. И всё стало становиться на своё место. Когда Володю спросили, что было для него самое тяжёлое, когда он вышел, он сказал: "отношения с моей женой". Хотя мне казалось, что я вела себя идеально. Просто человек действительно выходит немножко заторможенный из лагеря. Он сначала привыкает по улице свободно ходить, не держать руки за спиной, как в зоне. Он даже сейчас ходит, хотя гораздо реже, это называется "тусоваться по камере" туда-сюда по комнате. Потому что в тюрьме привык к замкнутому пространству. Много таких привычек из зон остаётся.

Когда его освободили, это было просто чудо. Я не поверила.

- Как отразилось такое долгое отсутствие отца в семье на воспитании детей?
- Трудно сказать. Меня очень спасало то, что была полная семья у бабушки с дедушкой, и девочки часто там жили. Ольга мне потом рассказывала, что она думала - все так живут только с мамами, а папы где-то далеко работают, или уехали. Когда она видела ребёнка с папой, она думала, что это он приехал и скоро опять уедет. Что папы вообще в семье не живут, они где-то там, в отъезде. А Ксюша очень переживала. Она никогда не видела его. И каждое утро, когда она вставала, говорила: "Где мой папа?" Это было очень горестно для меня. А для Оли я придумала такое: когда она спрашивала, когда мы поедем к папе, я отвечала: через 365 дней. Она начинала считать и сбивалась.

В школе однажды Оля перекрестилась, её учительница чуть из класса не выгнала, кричала.

- Вы их воспитывали в том же духе?

- Естественно. Я сама к тому времени узнала гораздо больше. С людьми общалась, ходили мы в церковь на праздники. У Ольги была Библия - любимая книга. Я пыталась их так воспитывать. Но было конечно сложно, Ольге я сказала, что то, что мы в церковь ходим - это наше интимное дело, и в школе не надо об этом говорить. Октябрёнком, пионером она была. Я знаю только одну женщину, которая в третьем классе сказала своему ребёнку: "ты в церковь ходишь, решай сам быть ли тебе пионером", и у ребёнка просто стресс был. Был кошмар, всех вызывали к директору, и не знаю, как ребёнок это выдержал. И я Ольге ничего не говорила, и она спокойно вступила как все, и потом со всеми вышла.

- Скажите, как в семье у вас организован быт? Им Вы занимаетесь?

- Естественно. Революционеры вообще бытом никогда не занимались, по-моему. Во всяком случае, я таких не видела. Правда, Валера Репин очень хозяйственный человек, но у него и должность

была хозяйственная. И до сих пор был на мне. Потому что когда человек увлечён чем-то, ему не до этого. И он не семейный человек. Революционеры вообще не семейные люди. Это просто невозможно. Они мыслят совершенно иначе.

- Скажите, что Вы думаете о предназначении мужчины и женщины в обществе, в семье?

- На этот вопрос уже заранее известен ответ, потому что православный человек подразумевает, что жена домом занимается и муж слушается, а муж занимается тем, чем может заниматься. Но конечно, в жизни получается по-разному. Я лично считаю, что если женщина чувствует в себе какой-то безумный талант, то она может, конечно, развиваться в этом смысле. Чаще всего я спорю по этому поводу с западными женщинами - у меня есть несколько любимых там женщин, две из них писательницы, - они меня всегда обличают, что я плохо отношусь к женщинам. А я говорю, что этого не понимаю. Потому что у женщины есть своё великолепное, прекрасное место - она мама, хозяйка, она создаёт уют. Зачем лезть в мужскую жизнь? Мне там неинтересно, я там себя чувствую неуютно, и просто не на своём месте. Мне там делать нечего. В какой-то момент, когда закрутилась вокруг меня какая-то дипломатская жизнь, когда я куда-то ездила, узнавала, казалось, что так много дел надо сделать, обязательно везде успеть, всё слушать. Тогда Володе сказали, что меня посадят. Он мне сказал: "Лучше ты сиди дома и занимайся детьми". И я ему обещала, что буду, что собственно я ничего не делаю.

- За что хотели Вас посадить?

- За многое. То есть, ни за что. Во-первых, я имела отношение к фонду, и три человека у меня были, которым я помогала, деньги посыпала. Потом я говорила с разными людьми, рассказывала, как езжу к Володе на свидания, и какое мне дело, если кто-то об этом напишет. Приезжали иностранцы, часто приходили ко мне домой, и

расспрашивали, как мы живём, и где Володя сидит. Это не шпионские сведения, это сведения о моём муже, и я считала, что могу о нём говорить. Это тоже был криминал. Однажды напечатали интервью в "Гардиан", и его передавали очень широко по радио. Меня все люди обличали: "Ты, выступала как диссидентка, о детях бы подумала". А я только и сказала, что надо помолиться за тех, кто сидит в лагерях. Но весь народ боялся, было страшно.

Не знаю, есть ли счастливые женщины. Побывав за границей я вижу, что мужья американские, английские, французские, они иначе относятся к женщинам, считают, что это что-то ценное. А русский муж не обращает на жену внимания. Может, здесь это всегда так было, или с революцией произошла такая метаморфоза. По-моему, даже лучшие экземпляры российских мужчин не обращают внимания, могут не пойти куда-то и не сделать что-то. Но я думаю, что делать из этого трагедию просто бессмысленно. Это мое мнение. Я знаю, что оно идет вразрез с современными представлениями о положении женщины. Я считаю, что место женщины в семье, её лучшее место! Лучше не придумаешь.

- Вы бы хотели не работать?

- Это моя любимая мечта. Мне даже сидя дома не хватает времени на детей. Когда хочешь что-то детям дать, создать уют, и еще что-то приготовить - где же время взять? Значит, нужно бросить их и заниматься работой. И что хорошего - большое поколение вырастает, которое папу и маму вообще не видит. Ну, папу можно не видеть, у него другое предназначение, он не должен кашей кормить, а должен просто прийти, чтобы его видели: вот папа. Хотя по моему мнению, папа должен заниматься детьми, особенно взрослыми, после трёх лет. Но наш папа только иногда сказку читает, и еще в музей с ними ходит теперь, какой-то интерес проявляет. Но самое интересное для него, это работа. Но если я так буду жить, что же будет с нашей семьёй!

Я совершенно не жалею о том, что вышла замуж за него. Хотя жизнь очень тяжёлая, и многие друзья его страшно обличают, они более хозяйственные и семейные люди. Но зато с таким человеком жить очень легко - нет ни вранья, ни лжи и всех таких вещей, которые можно ожидать от семейной жизни. И если что-то произойдёт, можно всегда это пережить и обсудить. Есть диалог. А то, что переменилось в моей жизни... Ну что бы я защитила диссертацию. Зато я живу сейчас с чистым спокойным сердцем, а там я была бы вообще не на своём месте. Это была не цель, моя карьера, а просто способ жизни, все мои знакомые так жили.

Если бы я познакомилась с другим человеком, то может быть, увлеклась бы чем-то другим, но думаю, что в конце концов пришла бы к православию. Во всяком случае, когда я была маленькая, то совершенно точно знала, что Бог есть, хотя меня никто в церкви не водил. Теперь я там нашла всё - там спокойно, хорошо, уютно, я вижу там защиту для себя и своей семьи, там я в естественном положении. В мире без Бога жить очень тяжело, надо надеяться только на себя. И когда случаются экстремальные ситуации, человек конечно, вспоминает, что Бог есть.